

— Итак, что же произошло с тем разряженным глупцом?

Шахразада улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— О нет, мой принц. Этой истории сегодня не место. Сегодняшняя сказка будет повестью о морских разбойниках. И об их истинных и мнимых врагах.

Да, Шахразада знала, как завладеть душой принца. Она намеренно избрала эту историю — ведь в ней было все, чтобы изловить Шахрияра. Мудрая рассказчица, подобно настоящему рыбаку, уже знала, как должен выглядеть крючок с наживкой и как именно вытащить из мутных вод сомнения светлую душу принца.

Шахрияру, конечно, хотелось узнать историю о морских разбойниках. Ведь ему, как никому другому, были бы созвучны их чувства. Но куда более, чего греха таить, ему была бы интересна сказка о любовной встрече такого морского разбойника с девой, которую он, к примеру, спас бы из вод морских. Удивительные грани чувств, разные лики любви, описываемые Шахразадой, воспаляли его воображение. А в нем... О, в нем царила она, мудрая красавица с коварным голосом и обворожительно прекрасным телом.

«Аллах всесильный! Да я готов и вовсе ничего не слушать... Пусть она молчит, лишь бы разделила со мной наступающую ночь и страсть, которая накрывает меня при одном взгляде этих милых, прекрасных глаз!»

Но Шахразада молчать не собиралась. О нет. Для нее сегодняшний вечер был решающим. А потому она, чуть улыбнувшись, привычно устроилась в древнем, но таком уютном кресле и начала свою повесть о странниках.

Бесшабашный капитан Малыш Анхель уже готов был вступить в бой с неведомыми врагами, его боцман уже дал команду подготовить абордажные крючья. Даже волны, что становились все выше, и ветер, свежевший и набирающий силу, не могли помешать Анхелю.

«Аллах всесильный, да этот капитан — рискованный парень, настоящий джентльмен удачи... — Шахрияр почувствовал, как и его ноги, обутые в мягкие туфли из тончайшей кожи, заскользили по мокрой палубе. Горизонт привычно накренился, и усиливающаяся качка отдалась болезненным ударом в ушах принца. — Но откуда может обо всем этом знать милая рассказчица? Как, каким чудом ей дано описать разгулявшийся шторм, как она может знать о пении снастей в крепчающем ветре? Откуда она прознала о коварных песчаных банках, которые я сам встречал вдоль срединной отмели Узкого моря?»

Увы, ответов на эти вопросы не знала и Шахразада. Однако она чувствовала холод и жгучую влагу пронизывающего ветра, от которого куталась в тонкую шелковую шаль, щедро украшенную охранительными рунами.

Корабли неприятеля появились ниоткуда. Миг — и на встречу Крысолову вышли из воздуха боевые маги полуночного народа, готовые ввязаться в схватку, движимые только собственными правилами. Голос капитана был едва слышен за воем свирепого ветра...

Шахрияр не выдержал.

— Откуда тебе ведомо все это, удивительная сказительница?

— Это написано на облаках, принц, — пожала плечами Шахразада. — Я же говорила тебе.

— Но откуда тебе знать, что нужно ставить заглушки, дабы вода не попала внутрь жерла? Откуда тебе ведомо, как ведут себя полуночные маги? И что такое древний Хоровод Камней?

— Я это знаю... — вновь пожала плечами Шахразада. — Просто знаю...

«Так говорит сказка, глупец... И это слышу я, прикасаясь мысленно к душам тех, о ком рассказываю сейчас...»

Первый залп дали пушки правого борта. Яграм, стремительному «холодному железу», было все равно, какой корабль пускать под воду — магический или полный самых обыкновенных пиратов. Вот вода хлынула в трюм, вот раскрылась алым цветком крыйт-камера... И не стало тех, кто еще миг назад жаждал крови Малыша Анхеля и его команды настоящих головорезов...

— И я встречался с морской магией, — проговорил Шахрияр. — Лишь в страшном сне можно представить, что делает могущество полуночных друидов с простыми морскими душами. Клянусь, не видел я врагов более страшных, чем околдованные ими пленники. Это черное морское волшебство превращало их в кукол, которые не боятся идти под ядра, лезть в самое сердце схватки — ибо их ведет лишь магическое повеление. Присущий же всему живому страх у них крадут презренные колдуны.

— Должно быть, о мой повелитель, славно выходить победителем из схваток с ними?

— Славно-то славно... Но и горько. Ибо тот, кого ты знал как отважного врага, оказывается лишь безмолвным рабом магии, а сердце его превращается в сердце ягненка. А что за радость в победе над трусом, околдованным к тому же до потери страха?

Шахразада промолчала. О да, она могла бы возразить, что жизнь без всякой магии весьма часто превращает трусов в героев, а храбрецов — в бессильно блеющих овец. Что не многим везет оставаться самим собой, не поддаваясь соблазну приспособленчества.

Однако этот разговор, чувствовала девушка, следует перенести на иное время, а сейчас продолжить повествование о пирате, которому довелось встретиться с древней магией.

Океан могуче дышал, поднимая на добрый десяток локтей «Беспечную Пастушку». Но Малышу Анхелю было не привыкать. Вместе с боцманом он коротал эти вечерние часы за бутылочкой отличнейшего рома «Девять якорей». Того самого, от которого, можно спорить на дюжину бочонков золота, не отказался бы даже сам король Кастилии и Арагона... Хотя нет, там же королева... Но, должно быть, она бы не побрезговала пригубить этот воистину божественный напиток, доставшийся Малышу Анхелю после весьма успешного похода к прекрасному острову Мальорка.

Шахразада замолчала, повинувшись знаку принца.

— Должно быть, это очень древняя история...

— Увы, это мне неведомо, мой повелитель.... Но почему ты так решил?

— Потому, моя красавица, что имени этого корсара я не слышал. А уж я знаю их всех наперечет. Кого встречал в портах, о ком слышал в тавернах... Некоторые же известны каждому, кто вознамерился выйти в море, ибо

их имена золотыми буквами вписаны в историю мира за те открытия, которые они сделали на благо всех, даже собственных врагов.

— Собственных врагов, мой принц?

— Конечно... Ибо смельчак Дрейк первым обошел огромную Африку и нашел пролив, который пустил его в теплые воды у берегов Индии. А за проливом, знаменитым чудовищными волнами и свирепыми ветрами, закрепилось имя Дрейка — должно быть, он был столь же непримирим, как ветры и шторма... Но ты не ответила на мой вопрос, прекраснейшая.

— Увы, я не ответила оттого, что не знаю ответа. Ведомо мне лишь, что у этого пирата были и более чем уважаемые предки, — не зря же он гордился своим древним и длинным именем. Была и жена, о которой его душа всегда тосковала.

— Так расскажи же мне об этом, мудрая краса... Должно быть, неземные чувства связывали этого могучего воина с его возлюбленной...

— Ты сам увидишь это, — пряча улыбку, проговорила Шахразада. Да, она уже понимала, чем может зажечь интерес принца. Более того, именно ради истории о жене Малыша Анхеля и начала она свое долгое повествование.

Вспомнив о своем гревнем роде и гревнем имени, Малыш Анхель вспомнил и день своего венчания — день, когда подарил это самое имя прекраснейшей из женщин мира, малышке Марии-Эстефан, дочери двоюродного дядюшки.

Тихий голос Шахразады пропал, растаял в высоком зале с каменным полом, освещенном тысячами свечей, наполненном людьми и пением органа. Нетерпение, сжигавшее Анхеля, передалось принцу. Он, именно он,